

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Программа «Семья и Дети»

ЛИЗА ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Москва
2015

Автор: Цветкова А.
Авторское название: Лиза путешественница.
Путешествие Лики. Записки попутчика

Лиза путешественница
М.: ООО «РПФ НИК», 2015. — 58 стр.

Подписано в печать 26.10.2015

Тираж 1000 экз.

Серия «В фокусе: ребенок — родитель — специалист», Издательский проект программы «Семья и дети» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Программа «Семья и дети»
www.timchenkofoundation.org
125284, Россия, г. Москва,
ул. Беговая, дом 3, стр. 1, этаж 40
БЦ «NordStar Tower»

В рамках издательского проекта «В фокусе: ребенок — родитель — специалист» представляем пособие «Лиза путешественница. Путешествие Лики. Записки попутчика». Это уникальное методическое произведение двух авторов — приемной девочки и детского психолога — будет полезно для замещающих родителей, специалистов, занимающихся семейным устройством детей, детских психологов. Один из авторов этой книги — приемная девочка, которая сочинила сказку и сама ее проиллюстрировала, благодаря чему мы «из первых уст» услышим, что переживает ребенок, сменивший несколько приемных семей. Второй автор — детский психолог — рассказывает о своем опыте поддержки ребенка, пережившего вторичный отказ, делится тем, при каких отношениях, с помощью каких средств происходит реабилитация ребенка и у него находится ресурс жить и развиваться.

© Цветкова А., 2015

© Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко,
иллюстрации обложки, макеты

Все права защищены. Никакая часть данного произведения не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В рамках издательского проекта «В фокусе: ребенок — родитель — специалист» представляем уникальное пособие «Лиза путешественница. Путешествие Лики. Записки попутчика», которое написали два соавтора — приемный ребенок и психолог.

Один из авторов этой книги — приемная девочка, которая сочинила сказку и сама ее проиллюстрировала. У нас появилась уникальная возможность «из первых уст» услышать, как может чувствовать себя, что переживать ребенок, попавший в систему, которую мы называем «семейное устройство».

Мы издаем эту книгу еще и потому, что считаем важным поддерживать развитие способностей приемных детей с учетом их собственных интересов. Мы понимаем, что поддержка умений и навыков, переживание успеха, возможность найти любимое дело — придает ребенку уверенности в своих силах, а, значит, увеличивает его шансы на успешную социо-культурную адаптацию в жизни.

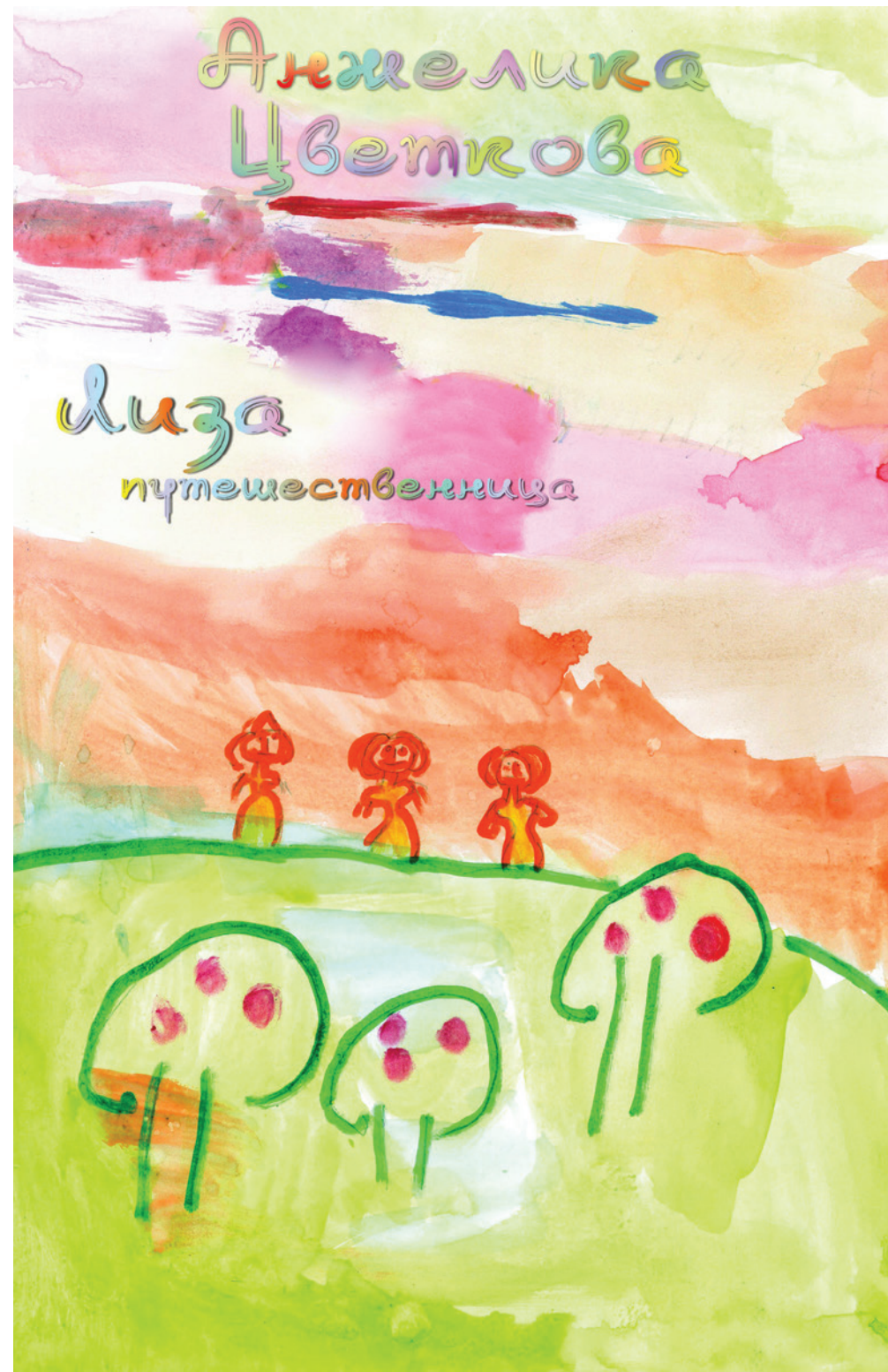
Без девочки, которая взяла себе псевдоним Анжелика Цветкова, ее творчества, мы бы не получили такой шедевр, который помог не только автору, но, надеемся, поможет и другим приемным детям «обрести себя», а также приемным родителям узнать и принять переживания ребенка, понять, что лежит в основе поведения и как оказать поддержку.

Анжелика, спасибо тебе огромное, что ты дала согласие на публикацию книги. Мне кажется, тебе очень идет выбранный псевдоним, но твои настоящие имя и фамилия не менее красиво звучат. Эта книга — твоя маленькая победа, уверена, что побед в твоей

жизни будет много. Лика, успехов тебе в творчестве и в жизни! Мы тобой гордимся!

Как всегда, мы будем признательны за обратную связь и предложения, какие темы важно раскрыть в будущих книгах и кого из авторов пригласить.

С уважением,
Эльвира Гарифулина,
Руководитель программы «Семья и дети», кандидат социологических наук
egarifulina@timchenkofoundation.org

Дорогая мама, я хочу тебе сказать, как тебя очень сильно люблю. Я бы очень хотела, чтобы ты была рядом со мной. Мне очень сильно не хватает тебя. Ты очень красивая и добрая мама. Я помню, как ты меня встречала, улыбалась и крепко обнимала. Я бы желала, чтобы у тебя все было хорошо. Очень жалко, что так все вышло. Ведь в сердце ты у меня все равно осталась. Я бы хотела стать художницей. Дарю тебе свою первую книжку.

Это Лиза. Она была испанка. Она жила с родителями. Рядом с ними она чувствовала себя любящей доверчивой и дружелюбной.

Когда она пошла гулять, то увидела большую яму. Ей стало интересно, она легла на край ямы, и ее что-то зашатало, она почувствовала себя бессильной что-то изменить, не удержалась и упала в яму.

Лиза попала в комнату, где было много дверей. Там Лиза почувствовала себя не важной, не заметной, малюсенькой.

Она открыла ближайшую дверь и увидела волшебных птиц, которые хотели ее схватить. Они дразнили, клевали, изводили ее. Лизе это не понравилось.

И она открыла другую дверь – а там была живая посуда, которая относилась к ней вежливо, наливали чай, пекли булочки. Там было тихо, спокойно, но там было холодно и Лиза пошла в другую дверь.

И там она увидела медвежат, они играли между собой, она тоже захотела с ними поиграть и рядом с ними была мама и она предложила поиграть с медвежатами, Лиза почувствовала себя удовлетворенной, довольной, но Лиза вспоминала, что есть еще двери.

И она вернулась, открыла дверь и увидела чудовище, оно было очень агрессивным, вызывающим, пугающим. Она захотела захлопнуть дверь.

И последняя дверь, где она увидела своих родителей и почувствовала, что о ней заботятся, поддерживают, защищают. Она обрадовалась и стала самой собой и стала жить с ними долго и счастливо.

КОНЕЦ СКАЗКИ. НАЧАЛО для ЖИЗНИ

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко создан в Москве в 2010 году. Фонд объединил в своем программном портфеле все направления семейной благотворительности. Деятельность Фонда направлена на помощь семье и детям, поддержку активного долголетия, развитие спорта и культуры. Эти стратегические направления нацелены на системное решение социальных проблем в России.

Настоящая книга создана в рамках издательского проекта программы «Семья и дети» Фонда. Программа поддерживает развитие семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, профилактику социального сиротства, повышение профессиональных компетенций самих приемных родителей и специалистов, работающих в сфере защиты семьи и детства. Подробнее: www.timchenkofoundation.org

Россия, 125284, Москва, ул. Беговая, дом 3, стр. 1,
бизнес-центр «Нордстар»
Телефон: +7 (495) 660-56-40
Факс: +7 (495) 660-56-41
www.timchenkofoundation.org

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Программа «Семья и Дети»

**ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИКИ.
ЗАПИСКИ ПОПУТЧИКА**

Москва
2015

Автор: Лапина О.В.
Авторское название: Лиза путешественница.
Путешествие Лики. Записки попутчика

Путешествие Лики. Записки попутчика
М.: ООО «РПФ НИК», 2015. — 58 стр.

Подписано в печать 26.10.2015

Тираж 1000 экз.

Серия «В фокусе: ребенок — родитель — специалист», Издательский проект программы «Семья и дети» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Программа «Семья и дети»
www.timchenkofoundation.org
125284, Россия, г. Москва,
ул. Беговая, дом 3, стр. 1, этаж 40
БИЦ «NordStar Tower»

В рамках издательского проекта «В фокусе: ребенок — родитель — специалист» представляем пособие «Лиза путешественница. Путешествие Лики. Записки попутчика». Это уникальное методическое произведение двух авторов — приемной девочки и детского психолога — будет полезно для замещающих родителей, специалистов, занимающихся семейным устройством детей, детских психологов. Один из авторов этой книги — приемная девочка, которая сочинила сказку и сама ее проиллюстрировала, благодаря чему мы «из первых уст» услышим, что переживает ребенок, сменивший несколько приемных семей. Второй автор — детский психолог — рассказывает о своем опыте поддержки ребенка, пережившего вторичный отказ, делится тем, при каких отношениях, с помощью каких средств происходит реабилитация ребенка и у него находится ресурс жить и развиваться.

© Лапина О.В., 2015

© Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко,
иллюстрации обложки, макеты

Все права защищены. Никакая часть данного произведения не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В рамках издательского проекта «В фокусе: ребенок — родитель — специалист» представляем уникальное пособие «Лиза путешественница. Путешествие Лики. Записки попутчика», которое написали два соавтора — приемный ребенок и психолог.

Вторичный отказ... Как дети переживают, осваивают этот опыт? Как помочь такому ребенку, при каких условиях кабинет психолога становится ресурсным местом, которое помогает найти внутреннюю опору, источник душевных сил? При каких отношениях, с помощью каких средств происходит реабилитация ребенка и у него находится ресурс жить и развиваться? Как так осмыслить болезненный опыт, чтобы, вырастая, ребенок смог справиться с непредсказуемостью и случайностью многих событий в своей дальнейшей жизни, потому что будет уже многое про себя знать, и понимать, как устроен его мир. И тогда он, возможно, даже захочет и сможет самореализовываться, потому что почувствует себя принятым, сильным и способным...

Над этими вопросами и проблемами размышляет один из авторов — Ольга Лапина, детский психолог. Ольга не только вдумчиво рассказывает о своем опыте работы с ребенком, пережившим «несколько смен приемных семей», но описывает и свои чувства, страхи, сомнения, находки и выделяет те ключевые моменты, на которые важно обращать внимание родителям и специалистам при оказании поддержки. При этом делает это настолько корректно, тонко, понятно, что не понимаешь, как ты сам этого мог не понимать/не знать/не учитывать. Особенно ценно, что при столь деликатной теме и будучи соавтором с приемным ребенком, Ольга осталась верна принципу «не навреди».

Это уникальное методическое произведение двух авторов — приемной девочки и детского психолога — будет полезно для замещающих родителей, специалистов, занимающихся семейным устройством детей, детских психологов.

Как всегда, мы будем признательны за обратную связь и предложения, какие темы важно раскрыть в будущих книгах и кого из авторов пригласить.

С уважением,
Эльвира Гарифулина,
Руководитель программы «Семья и дети», кандидат социологических наук
egarifulina@timchenkofoundation.org

*У каждого путешествия есть свое тайное назначение,
о котором сам путешественник не имеет представления.
Мартин Бубер*

*Раз семья, два семья,
три семья — уже не я...
Стих приемного мальчика 4 лет*

ОТ АВТОРА

Я много лет сопровождаю приемные семьи. Консультирую кандидатов в приемные родители и уже состоявшихся приемных родителей, занимаюсь с детьми из этих семей.

Сегодня меня очень беспокоит сторона работы специалиста в сфере семейного устройства, о которой сейчас так много говорится, что даже появились программы профилактики. В связи с новым законодательством и курсом на семейное устройство можно предсказать, что проблемы будут усугубляться. Это так называемые вторичные отказы. Это про детей, потерявших не только родную семью со всеми вытекающими последствиями, но и по разным причинам поменявших за довольно короткое время несколько приемных семей. Часто это особые дети, которым уже мало просто найти «достаточно хорошую» приемную семью, эта семья должна быть сверхстойкой, ведь «отдуваться» ей придется за весь предыдущий опыт утрат ребенка. Это про родителей, которые искренне верили, что смогут помочь приемному ребенку и полюбить его, никто из этих людей и мысли не допускал, что если что-то пойдет не так, они вернут его, это и про социальных работников, которые отводят уставший взгляд, не в силах смотреть в глаза ребенку, которого они перевозят из семьи

в семью... Иногда от них я слышу роковое: «Семьи нет... Везем в интернат...» Без комплексной помощи и поддержки, на мой взгляд, тут просто не обойтись, причем и родителям, и ребенку, и специалисту.

На примере описания случая из практики работы мне бы и хотелось обозначить эту проблематику. Я знакома с девочкой, на момент начала занятий у которой было пять перемещений. Это удивительная девочка, которая на занятиях сочинила детскую сказку и сама ее проиллюстрировала. Сказка и рисунки к ней — это главная часть книги, продукт нашей совместной работы, которая позволила девочке осознать и переработать свой прошлый опыт, помогла процессу восстановления, исцеления. Мне хочется попытаться зафиксировать процесс этой работы, осмыслить какие-то важные, поворотные моменты, когда контакт с ребенком, его доверие, душевная открытость и смелость дают возможность быть и понимать и попытаться донести до людей, которым приходится участвовать в судьбе такого ребенка, как он себя может чувствовать, почему так себя может вести и что можем сделать мы, взрослые, чтобы как можно реже в своей практике слышать: «Все, не могу больше, заберите куда хотите, мне все равно...»

Обязательным и важным для меня было получить разрешение Лики на описание этого случая. В какой-то момент работы Лика очень эмоционально, по-детски спросила: «И как это у Вас так хорошо получается дитев понимать?» — Я улыбаюсь: «Может, мне тоже написать книжку про то, как мы с тобой тут занимаемся, кто-то прочтет и тоже, возможно, станет лучше детей понимать». Лицо Лики становится серьезным, напряженным: «Вы всю правду напишете? Все про меня узнают?» — И тут же кокетливо: «Я стану знаменитой?» Какое-то время обсуждаем, как себя может чувствовать известный человек. Причем я в очередной раз удивляюсь, но Лика обрисовывает очень здраво и тeneвую сторону, как ей будут завидовать и дразнить, преследовать. Уходя с занятия, Лика говорит: «Я подумую...»

Лика разрешила мне рассказать ее историю, потому что «это может помочь другим детям». Мои уважение и признательность тебе, Лика.

— Это Лиза. Она была испанка. Она жила с родителями...

От начала сказки я внутренне вздрагиваю. Моя первая ассоциация к слову «испанка» — заразная болезнь. В Лике мне видится мирный вестник надвигающейся эпидемии — их будет больше и больше. Детей с больной душой, изъеденной страшным вирусом неизвестности и непостоянства. Неудобных. Ненужных. Путешествующих от семьи к семье, интернату и обратно. Их забирают, размещают, возвращают, перемещают...

Первое впечатление от самой Лики — оболочка тела и застывший взгляд. Именно оболочка. Удивительно, уже несколько лет работаю с приемными детьми, и первый раз просто физически ощущаю, что девочка как будто пустая внутри, будто ее тут нет, никак не удастся «почувствовать» ее. Может, в каждой новой семье Лики оставляла часть себя, и осталась одна оболочка...

— Найдите мне костюм испанки, — возвращает меня Ликин голос в кабинет. Я на нее смотрю вопросительно: «Не поняла?»

— Мне нужна картинка испанки. Пышное платье, веер, я ее срисую, а внизу оставлю место для текста сказки.

— Лик, я могу принести компьютер на следующее занятие, там могут быть картинки с костюмами в интернете.

— Ладно, я выберу тогда сама, а сейчас записывайте сказку дальше...

Начало — дело крайне важное, ответственное. Неверное слово, взгляд, интонация, мимика, движение и все, работу иногда можно начинать сначала. У ребенка снова скованность во всем теле и отсутствующий взгляд. Наблюдать, слушать, откликаться, отражать, присоединяться, информировать — такие, на первый взгляд, простые действия, известные не то что каждому детскому психологу, а и каждой продвинутой маме, на практике — это не один год прикусывания языка и рефлексии. А уж если ты педагогом успел поработать с детьми, многое придется выдавливать по капле. Большое зло — вопросы. «А почему испанка? А почему Лиза? А где она с родителями жила? А что дальше? Зачем же срисовывать, может, сама нарисуешь? А родителей будешь рисовать? Что тебе нужно, карандаши, краски? Знаешь, как в интернете картинки искать?» Вы можете достичь многих целей — постепенно разовьете речь и фантазию ребенка, графические навыки, научите его добывать информацию в компьютере, организовывать свою деятельность, но возможно, не случится другое — ребенок не начнет говорить о себе:

— Испанки красиво танцуют, у них еще такие каблучки, как у них получается так красиво двигать веером? Я тоже бы хотела так красиво танцевать... Когда я жила у второй мамы, я ходила на балльные танцы, потом меня перестали водить, я плохо училась...

— Да, жаль, похоже, танцевать — это важно для тебя.

— Это важно еще моей новой маме. Она говорит, у меня плохо получается, я все неправильно делаю. Если бы я все делала как надо, меня бы оставили, а так, может, тоже откажут...

Я не знаю, что сказать этому ребенку. Да и можно ли считать ребенком человека, пережившего к восьми годам такое путешествие, потеряв маму и бабушку, с заходом в больницу и приют, пытаясь задержаться в очередной семье, с верой, что все может получиться, главное, научиться танцевать красиво... Больно. Горько. Страшно. Вышибает из профессиональной позиции напрочь. Почему? За что? Я растеряна еще и потому, что встречалась накануне с приемными родителями. Положение Лики действительно шаткое. Спасает стандартное:

— Лика, ты бы хотела остаться в этой семье и думаешь, что если научишься красиво танцевать, то останешься.

— Не только в этом дело, навсегда ты можешь остаться, только если тебя по-настоящему полюбят и ты станешь как родная, а этого все приемные (родители) боятся.

— Мне кажется важным, чтобы и ты смогла их полюбить, и они для тебя стали родными, и ты не боялась.

Голос Лики опускается до шепота: «Не знаю... Я все время притворяюсь... я чувствую, они хотят тоже от меня отказаться, я все время стараюсь быть рядом, подслушиваю, чтобы знать, когда они это решат, хочу заранее знать, а еще притворяюсь, что не знаю что-нибудь, и не делаю, а сама знаю, часто вижу, как они обо мне шепчутся...»

На мой взгляд, это ключевая сложность при размещении таких детей как Лика в новую семью. Она уже никому не верит и прямо об этом говорит: постою в сторонке, понаблюдаю, могут отказаться, не буду привыкать, не буду слушаться, хотя мне здесь нравится, я бы очень хотела остаться в этой семье. А мама параллельно сетует, что нет теплоты к ребенку, холодная, отгороженная, «не живая», ей все равно, есть мы или нет, чувствуем себя прислугой, чужой человек в доме, поэтому хотим отказаться, и вообще раздражает, что все время трется рядом, а что вытворяет... Ведь если бы хотела сама с нами жить, точно так себя бы не вела, а старалась бы, делала бы, что говорят...

Если в этот момент поддержать семью, специалистам помочь разобраться ребенку и родителям, что происходит, разделить с ними их переживания, велика вероятность, что ситуация не закончится трагически, родители не выдохнутся и не выгорят, а ребенок не скажет: так я и знал, что откажутся.. и у них появятся надежда и силы продолжить это путешествие...

Рядом с ними (родителями) она чувствовала себя любящей доверчивой и дружелюбной

Подчеркнут текст, который был добавлен в сказку позже, уже когда мы с Ликой обсуждали сказку, чувства словами девочка не могла называть, раскладывала камни-карточки* с чувствами на каждую страницу.

Наверное, примерно так может чувствовать себя любой другой ребенок в семье, и наша девочка не исключение. Ликина мама попала в тюрьму за кражу мобильного телефона, а до этого заботилась о ребенке, девочка вспоминает ее с теплотой. Из среды специалистов по семейному устройству часто транслируется мнение, что приемные дети — очень травмированные, часто изголодавшиеся, изнасилованные и забитые, но иногда все у ребенка начиналось достаточно благополучно, и ребенок переживает факт разлуки очень сильно именно поэтому, «застывает» в своем горе и не может нормально развиваться, выстраивать новые отношения. В своей практике я встречалась с несколькими такими детьми, они тоже переезжали из семьи в семью, специалисты недоумевали — такие хорошие дети, ухоженные, спокойные, почему от них отказываются? Иногда ребенок сам отказы-

* Метафорические ассоциативные карты. Могут использоваться в консультировании детей как инструмент, помогающий детям осознать свои чувства и отношения. В данном случае речь идет об австралийских картах «stonis».

вался переезжать в семью из детского дома, «ждал маму»; одна такая девочка, сменив четыре семьи и живя в последней уже два года, рисуя семью, всю приемную семью нарисовала на одной стороне, а над головой приемной мамы написала имя родной и закрасила в виде сердечка, а на обратной стороне нарисовала себя и родную маму по колено в земле. Рисунок явно указывал на непрожитую потерю, тоску и ожидание, бессилие. Другой ребенок, который тоже никак не мог прижиться в приемной семье, выматывал приемных родителей, каждый день рассказывая, какая хорошая у него была мама, или еще одна такая девочка, развитая, с прекрасной памятью, которая каждый день что-то теряла, и приемные родители считали, что издевается, а она таким образом пыталась сообщить своим приемным родителям о неоплаканной потере. Про всех этих детей я слышала от родителей: «жесткая, холодная, расчетливая, с пустотой в душе, неласковый, помани кто-то лучшими условиями — уйдет не задумываясь, никак не привыкает, не можем полюбить...»

Однажды я услышала такой совет от специалиста будущим приемным родителям: лучше взять большого ребенка из пьющей семьи, где ребенок любил родителей, чем маленького ребенка из детского дома. На вопрос «почему» прозвучал довольно логичный ответ: «У таких детей уже есть опыт любить, им будет легче привязаться и полюбить снова...» На мой взгляд, тут все не так однозначно; не стоит отказывать детям в способности горячо и преданно любить, сохранять и беречь эти чувства, оберегая от посягательств, порой тратя годами на это все свои силы.

И это тот случай, когда специалистам важно «распознать» такого ребенка и постараться найти ему профессиональную семью. Это должны быть устойчивые, сильные люди, способные сотрудничать со специалистами, способные уважительно относиться к памяти ребенка о кровной маме, терпеливо заботиться, помочь пережить потерю, не ревновать и не расстраиваться от того, что «не наш», у которых как раз таки есть опыт хороших отношений с другими своими кровными или приемными детьми. В противном случае велик риск, что родители сделают вывод, что «мы ему не подходим» и станут «ну, та семья, где я жил раньше...»

Когда она пошла гулять, то увидела большую яму. Ей стало интересно, она легла на край ямы, и ее что-то зашатало, она почувствовала себя бессильной что-то изменить, не удержалась и упала в яму.

Иногда ребенок получает сильнейшую травму именно от процедуры изъятия из семьи, например, в конкретном случае, последний раз Лика видела маму, когда органы власти пришли вместе, маму истошно вопящую «помоги, мне, доченька», на глазах у ребенка за волосы волокли милиционеры, и девочку все эти годы мучало чувство вины, что была не в силах, не смогла «помочь, защитить» маму. Мы живем в реальном мире, но если просто представить, пофантазировать, что органы власти спланировали бы визит, ребенку бы дали попрощаться с мамой, объяснили ситуацию, поддержали девочку, сначала отвезли ребенка бабушке, а потом уже задерживали взрослого, возможно, не понадобилось бы Лике практически полгода в кабинете психолога заново проживать этот ужас, спрашивая себя и меня:

- А если бы я громко закричала, а не испугалась и молча смотрела?
- А если бы я побежала, они бы оставили маму в покое и побежали бы за мной?
- Она, наверное, тогда заболела и от этого потом умерла...
- Зачем, зачем она это сделала? Если бы она не взяла тот телефон, мы бы были вместе.

По-моему, Лика мне так до конца и не поверила, что она — ребенок, и не может отвечать за ту ситуацию и ни в чем не виновата...

Со мной делились дети, которые не могли никак адаптироваться в приемной семье, как их тянули из родного дома за руку и было очень больно, как не дали взять любимую игрушку, не смогли найти свои тапочки, выкинули книгу. Как сказали, что везут на время, а на самом деле оставили насовсем... И ребенок чувствует себя попавшим в черную яму и бессилён что-то изменить, точнее не скажешь.

Я прямо слышу возмущенные голоса работников опеки, ну вот, какими бесчеловечными нас тут расписывают...

Но я как раз могу понять, что бывают разные обстоятельства, что делать, если уже час уговариваем, а он никак сам не идет, игрушка со вшами, тапки искать некогда, машина долго ждать не может, а книжка пропахла табаком. Но надо-то совсем немного, чтобы ребенок годами не носил эту обиду и не сжимался внутренне от каждого стука в дверь — сочувствие, признание прав ребенка на свои желания, уверенность, что по-другому — никак, предложение альтернативы, информирование, что его ожидает...

Лиза попала в комнату, где было много дверей. Там Лиза почувствовала себя не важной, не заметной, малюсенькой...

Только представьте, какие-то чужие люди выдергивают Вас из привычной обстановки и начинают решать, где, с кем Вам дальше жить, при этом Вас просто перевезут и оставят на пороге. Не пугайтесь, мы это только представили. Правда, с некоторыми детьми это происходит наяву иногда не по одному разу. Есть от чего быть всегда начеку и при этом научиться жить отстраненно, особо не вникая в происходящее...

На пороге моего кабинета оказываются отчаявшиеся родители за руку с «Он ничего не слышит, не хочет, не соображает». Понятно, почему. Важным началом контакта с ребенком, возникновения доверия я считаю дать ему возможность для выбора. Любого, чтобы он хоть что-то захотел сам, поучаствовал при решении. Например, для рисунков Лика сама выбирала техники — эти двери, они выполнены совсем иначе, чем предыдущие работы, примечательно, что дверей пять (по количеству перемещений?), и по тому, как оформлены двери, можно догадаться, куда они ведут по тексту сказки. Две двери мрачные, темные, и в сказке описаны две ситуации, когда ей было совсем плохо и страшно; дверь, где девочка встречает любимых родителей, тоже не перепугаешь. Как это получилось, случайно? Или, наоборот, Лика была крайне внимательна к тексту? Для меня в этих рисунках столько тайн и интерпретаций, и каждый раз, когда

заново на них смотрю, меня осеняют новые мысли, но главная — эти дети чувствуют про себя и про то, что вокруг них — все, показывают это нам в своих рисунках, образах. Иногда это единственный способ выразить себя, что-то про себя осмыслить. Призываю и родителей, и специалистов уважительно относиться к потребности ребенка рисовать: это бесценные подсказки нам, взрослым, но не считать это обязательно нужным. То есть я хочу сказать, что не стоит делать из того, что я описываю, метод работы с детьми после вторичных отказов. Я играла с такими детьми в шахматы и складывала оригами, строила сценки на песке и лепила, валяла из шерсти. Главное условие — выбор деятельности остается за ребенком. В некоторых руководствах по недирективной игротерапии* говорится, что нельзя ничего предлагать ребенку. Я предлагаю. Как сказал один приемный мальчик у меня на занятиях: «Не всегда можешь понять, что тебе нужно, родители записывают, например, в театральный кружок. А ты даже не знал, что хотел туда пойти...» Опыт и мир ребенка в прошлом бывает настолько беден, что он действительно может не знать, что ему может помочь. Я предлагаю, рассказываю, чем можно позаниматься, во что поиграть, но что выбрать, как играть, сколько, регулирует ребенок.

При передаче Лики из семьи в семью мы даже создали некую ситуацию выбора семьи ребенком, она могла познакомиться с семьей, решить, пойдет ли она, хочет ли туда. Специалисты могут в этом увидеть спорный этический момент, что это «смотрины ребенка», но сошлюсь на написанные ранее соображения — это были две опытные приемные семьи, знакомые мне, которые уже были готовы принять этого ребенка при условии поддержки и сопровождения семьи специалистами Фонда, школы и привлечения других специалистов, которые могут понадобиться для помощи ребенку. Мне кажется, это тоже влияет на снижение рисков повторного отказа.

Все это, конечно, скорее, исключение, чем практика, обычно ребенок чувствует себя «незаметным», когда решается его судьба, но любые удачные практики когда-то были случаем.

* Например, «Игровая терапия» Вирджиния Экслайн.

Она открыла ближайшую дверь и увидела волшебных птиц, которые хотели ее схватить. Они дразнили, клевали, изводили ее. Лизе это не понравилось...

Ближайшая дверь и решение, которое было самым простым — поместить Лику в семью, где уже жили кровные сестра и брат Лики.

Девочка попала в приемную семью, довольно дезорганизованную, к сожалению, приемные семьи могут быть и такими, и очень точно описывает не только свое состояние там, удачна сама метафора, да и птицы — просто портреты. Мои коллеги, которые знали семью, увидев рисунок, также сказали, что похожи. «Воспитанием» детей часто занималась старшая кровная дочь, довольно сложный подросток, поэтому птиц две. Несмотря на то, что девочке было плохо в этой семье, она как-то сразу заняла место «козла отпущения», и опека это понимала, сестры подружились (до размещения девочки были не знакомы, одна жила с мамой, а другая — у бабушки) и поддерживали друг друга:

— Когда все засыпали, мы забирались в одну кровать, я рассказывала сестре про нашу маму...

— Я часто думаю про сестру, но не могу себе представить, чтобы ради нее вернуться в эту семью. Мне там было страшно и больно. Мне ведь не должно быть стыдно, что я по-другому теперь живу?

По решению опеки (у опеки были формально все основания так поступить) девочек разлучили, Лика поехала жить в другую се-

мью, причем предложили Лике съездить в гости, а домой она уже не вернулась. И это очень тяжело сказалось и на второй девочке тоже. Сестра Лики боялась садиться в машину, билась там в истерику, что тоже могут «увезти насовсем»...

Связь с Ликой потерялась практически на год, я несколько раз встречалась с ее сестрой, она очень тяжело переживала разлуку, мы рисовали Лике рисунки, писали письма, пытались как-то наладить связь, но новая семья Лики, по словам опеки, не была готова поддерживать контакты с прошлой семьей.

Мне видится, что так много повторных отказов, в том числе и «скрытых», потому, что приемная семья в нашей стране профессиональной практически нигде и не стала. Родители могут воспитывать приемных (не усыновленных, государственных) детей по своему разумению и хотению. Например, в нашем случае, обе сестры остались наедине со своими переживаниями, т.к. новым родителям Лики показалось, что ей лучше забыть «все плохое», а приемная мама перестала отпускать сестру Лики ко мне на занятия, объясняя это тем, что «она приходит после ваших занятий и рисует плачущих девочек, мне это не надо...» Что тут скажешь... Как сказала одна приемная мама — «...это нужно понять, я раньше сама думала, что я буду очень любить этих детей, и все плохое у них в душе растворится, не надо его ворошить, а теперь знаю, что это нужно достать из души, выкинуть, иначе это тормозит ребенка, но это нужно понять...»

Специалисты, работающие с приемными детьми, используют такое понятие — неравномерное, мозаичное развитие. То есть разные стороны развития не совпадают с биологическим возрастом. Например, у семилетнего ребенка физическое развитие на пять лет, а сексуальное — на десять. Я это вспоминала, рассматривая Ликины рисунки. Иногда складывается ощущение, что они нарисованы не просто детьми разного возраста, но и не одним ребенком. Детские аппликации и японская графика. Кстати, вокруг птиц — это иероглифы, тщательно перерисованные, обозначающие «красота» и «гармония».

И она открыла другую дверь - а там была живая посуда, которая относилась к ней вежливо, наливали чай, пекли булочки. Там было тихо, спокойно, но там было холодно и Лиза пошла в другую дверь.

Семья, которая приняла этого ребенка под давлением опеки, скоропалительно, и в итоге написала отказ. В этой семье, действительно, заботились о девочке, даже на кружки водили, но было полное эмоциональное отвержение ребенка, как говорила эта бездетная пара, «мы хотели выбрать и любить маленького ребенка, и чтобы он нас любил». Учитывая все вышесказанное, понятно разочарование родителей. Я близко познакомилась с ребенком именно в этот момент, эта семья пришла ко мне на консультацию, с запросом «как сказать, что отказываемся», несколько раз они привозили девочку, которая оставляла очень тяжелое впечатление. Выглядела она как маленький, незаметный, тихий, зашуганный зверек.

Слова мамы: «Я не понимаю, мне сказали, что она нормальная, но почему же тогда я ее сто раз просила, потом ругала, потом наказывала, а она все равно так делает?»

Слова ребенка про ту же ситуацию: «Когда мама на меня ругалась, я на нее смотрела, а у нее становилось такое красное лицо и шея, и я боялась, я думала, что она может умереть от заливания крови и меня отправят в новую семью...»

— Лика, ты слышала родителей, похоже, они уже приняли решение, поэтому нам придется тоже что-то решать... Послушай, а вот

если представить, что ты можешь выбрать себе любую маму (кошунственно звучит, не правда ли? Но это день сегодняшний...), какую бы ты выбрала сама себе?

Ребенок равнодушно пожимает плечами:

— Не старую...

— ????????

— Чтобы не умерла, пока я не вырасту... Не хочу больше переезжать...

В этот момент я засомневалась, что справлюсь, заглядывая в эти потухшие глаза, было горько, потому что этой ситуации уже возможно было избежать... В голове крутилось — «а вот если бы меня пригласили не на пепелище, а хотя бы на пожар, а еще лучше, когда только загоралось, а в идеале — сначала узнать, что в семье с пожаробезопасностью?»

Да, все те же пресловутые сопровождение, профилактика. К сожалению, психологи, как правило, сталкиваются уже с последствиями, никак не участвуя в принятии решений.

Лика стала приближаться, открываться, рассказывать про себя, раскрашивая орнаменты-мандалы*, из которой потом вырезала посуду. Одни работы Лика рисовала сразу, другие — по несколько занятий, попросила ей помогать раскрашивать. Лика мне говорила, где какой должен быть цвет, какой нажим, яркость. Иногда это были ее единственные слова за все занятие, я тоже молчала, в кабинете слышен был только шуршащий звук заштриховывания...

Родителям иногда были непонятны наши «занятия». «Чего она у Вас полы уже пятое занятие моет? Это она и дома может делать, вон у Вас сколько пособий полезных, лучше бы ими занималась...» «Мой пришел и рассказывает, что час просто лежал у Вас на диване. Вы там с ним поостроже..» Иногда не знаешь, смеять-

* Мандала — рисунок, состоящий из естественных форм, «архетипический символ целостности и человеческого совершенства», писал К. Г. Юнг. Используются в арт-терапии для «упорядочивания» проблем, определенности.

ся или плакать: «Спросите у него, куда он шапку спрятал.. Мне не говорит, а у вас с ним контакт, пусть вам скажет...»

Меня саму каждый раз это удивляет, но... стоит только ребенку увериться, что в это время и в этом пространстве он действительно может делать только то, что сам захочет — и ...

В какой-то момент Лике «прорвало». Она говорила без остановки, вспоминала малейшие детали, путаясь «нет, это было у мамы такой-то, или нет, у такой-то..», просила зеркало, чтобы посмотреть, какое у нее было лицо, когда рассказывала про себя «страшное», иногда Лика говорила, что ее тошнит (Лика нарисовала еще обложку к своей книге — за линией горизонта, на закате — три маленькие женские фигуры, а перед ними деревья без корней, похожие на грибы-мухоморы...)

Я думаю, что это может быть находкой — потихоньку «приручать» такого ребенка. Найти такую совместную деятельность, иногда довольно механистичную, не требующую большого напряжения эмоциональных и физических сил, нравившуюся обоим; найти время — пусть это будет час в неделю, но «ваш», без других людей, звонков — и раскрашивать мандалы, лепить пельмени «про запас», вязать шарфики, плести коврики, вышивать, складывать из бумаги, собирать пазл из тысяч кусочков и ... не спеша разговаривать, а еще лучше — просто слушать. Я хочу сказать, что если нет возможностей ребенку заниматься с психологом, это может и не понадобиться, если в окружении ребенка найдется взрослый, который сможет обеспечить такому ребенку относительное постоянство, принятие и потренируется навыкам активного слушания*.

* Техника, навык, искусство общения с ребенком, когда мы «возвращаем» ему в беседе то, что он нам поведал, при этом обозначив его чувство.

И там она увидела медвежат, они играли между собой, она тоже захотела с ними поиграть и рядом с ними была мама и она предложила поиграть с медвежатами, Лиза почувствовала себя удовлетворенной, довольной, но Лиза вспоминала, что есть еще двери.

Работа с этой картиной у девочки совпала с периодом, когда семья стала сомневаться, что справится. После размещения новые приемные родители тоже довольно быстро сдулись, стали жаловаться, как им тяжело, ребенок какой-то «неживой», что понимают предыдущую семью, которая отказалась от ребенка. Что при любом прямом обращении — контакте ребенок впадал в ступор*, не успевал в школе, учитель рекомендовал оставить на второй год, родители разочаровывались неспособностью ребенка к танцам, пению, а для мамы это было важно. В некоторые моменты я даже чувствовала исходившую от нее враждебность — «из-за вас мы оказались в такой ситуации...» Тяжелое время для всех. Тяжело приемному ребенку, другим детям, родителям, специалисту. Помню свои ощущения в тот период. Жизнь «без права на ошибку», как изнемогала от ответственности «вершителя судеб», сколько людей участвовало в этой ситуации, сколько встреч, звонков, и постоянные сомнения, неуверенность, ожидание краха.

В какой-то момент у мамы сдали нервы, она сказала — отдаем, а папа — ни за что, и ребенок «полюбил» папу. С ним стала делать уроки, слушаться, помогать. Это стало началом восстановле-

* Stupor (лат.) — оцепенение.

ния девочки. Многие приемные дети мне рассказывали про этот «переломный» момент. «Я не захотел больше убегать, когда мама сказала папе, что учительница сама дура, а я хороший и ни в чем не виноват», «Папа забрал ее (игрушку) у нее и наругал, хоть она родная, и отдал мне, я так удивилась и все время про это думаю...» Этим детям так важно и нужно почувствовать себя под защитой, что родители — на его стороне, что бы ни случилось. Эти дети часто не чувствуют этого, хотя природой так задумано, но будьте уверены, это что, что они действительно отмечают и ценят.

«Лиза была удовлетворенной, но помнила, что есть еще двери». Тут можно по разному интерпретировать; Лика чувствовала, что эта семья может быть «не последняя», но мне кажется, что это про двери в ее внутренний мир. Куда девочка смогла заглянуть, набравшись сил в этой семье, начав жить «в настоящем», а не прошлым и не опасаясь за будущее.

И она вернулась, открыла дверь и увидела чудовище, оно было очень агрессивным, вызывающим, пугающим. Она захотела захлопнуть дверь.

Эта работа началась далеко не сразу. В начале терапии у ребенка умерла в тюрьме кровная мама, ей это было сообщено, но ребенок был не готов эту информацию даже воспринять. Только после того как Лика стала спокойнее, сообщила мне, что жизнь у нее налаживается, «вроде оставляют», она любит гулять, лучше стала учиться, прозвучало:

- У меня все хорошо, но каждый вечер, когда я одна остаюсь в постели, мне хочется плакать, и я не знаю, почему...
- Тебе хочется плакать, ты чувствуешь себя одиноко...
- Наверное, это из-за моей родной мамы.

Лика сидит, опустив голову, молча вытирает слезы, потом уходит молча и... не приходит на занятия продолжительное время.

В моей практике такое было не раз и не два. Как только ребенок начинает «доставать» что-то касающееся личной, внутренней своей истории, прояснять про себя, про своих кровных родителей, открыто страдать или бояться, или хуже себя вести, его приемные родители забирают из терапии под разными предлогами. Сам не хочет, времени нет, смысла не видим... И пока у нас сопровождение добровольное, это их право. Хочу только предупре-

дить, что и их ответственность. Прерывая в такой момент занятия, мы наносим ребенку вред. Оставляем его беззащитным, с открытой раной, болью и страхом наедине с «чудовищем». Чем не жестокое обращение?

В этом случае получилось достичь понимания с родителями, но так бывает далеко не всегда.

Спустя какое-то время девочка вернулась, и мы смогли закончить начатое, у девочки было много воспоминаний — дум о кровной маме, много страшных, болезненных воспоминаний о больнице, куда ее поместили после разлуки с семьей, о сестре и брате, удалось организовать несколько встреч сестер, Лика написала родной маме письмо, это письмо есть в начале ее книги, Лика разрешила его опубликовать. Это очень сильные переживания, когда присутствуешь при том, как девятилетний ребенок принимает определенные решения относительно своего прошлого, как осмысливает настоящее, как начинает планировать свою будущую жизнь... Примечательно, что дерево, которое нависает над чудовищем, напоминает трезубец, символ власти и превосходства над хаосом. Мне кажется это символичным, как будто Лика смогла взять власть над темными сторонами своей жизни, и они больше не будут оказывать разрушающего влияния на ее жизнь. У Лики осталась мечта — поехать в путешествие и найти место, где похоронена ее мама. Я очень желаю, чтобы когда-нибудь ее мечта сбылась. В древности считали, что ты вечен в своем Роду и на своей земле, если знаешь, где похоронены твои предки...

И последняя дверь, где она увидела своих родителей и почувствовала, что о ней заботятся, поддерживают, защищают. Она обрадовалась и стала самой собой и стала жить с ними долго и счастливо.

Есть ощущение, что у этого ребенка хватило сил восстановиться, начать думать и заботиться о себе, почувствовать себя живой, радоваться жизни, чего-то хотеть, и не бояться заявлять это. По сути, стать активным ребенком. Так радостно было слушать ее истории про ссоры с сестрой из-за вещей и игрушек, про поездки семьей на море и к Деду Морозу, про школьные оценки, про то, как родители мыться заставляют. Типичные детские проблемы и истории, понимаете? И рисунки стали девчачьи — сплошные принцессы и принцы.

История девочки из сказки полна метафор и символов, как в любой книге каждый читатель увидит что-то свое, возможно, у него появятся прямо противоположные мысли, главное — она помогла этому конкретному ребенку осмыслить свою жизнь, свой травматичный опыт. Свое прошлое, как Лика его помнит, может не совпадать с реальностью, но для нашей истории это не столь существенно, важны не факты, а «запечатленные чувства», и в процессе рисования Лика стала много говорить о своих переживаниях, эмоционально проявляться, улыбаться, плакать, возмущаться. Исчезло с лица это «застывшее» выражение. За это время состоялись несколько консультаций с родителями, понятно, трудностей было еще много, но и достижения свои родители отмечали, также прозвучало предложение отдать девочку в художественный кружок. Лика стала много рисовать дома,

стала помогать, обслуживать себя сама, стала спокойнее, меньше уходит в себя. Она с теплотой отзывается о приемном родителе, стала лучше учиться, а годовую контрольную в школе по математике написал на «отлично», чем поразила уже приемных родителей. Важно в этом конкретном случае отметить в первую очередь терпение и доверие родителей, способность к систематической работе. Родители достаточно регулярно приводили ребенка на занятия с психологом, нанимали репетиторов, приходили на консультации, прислушивались к рекомендациям специалистов, участвовали в обучающих семинарах, меняли сферы деятельности ребенка с неуспешной (танцы, пение) на успешные (мягкая игрушка, рисование), творчески подходили к решению бытовых сложностей, не боялись пробовать, рисковать, менять свои «решения». Так же важно отметить гуманное отношение школы (директора и учителей), где стала учиться Лика, их терпимость и гибкость по отношению к сложному ребенку, их настрой на сотрудничество с семьей.

На последней встрече Лика говорит:

— Я вижу, что меня не любят мои папа и мама, как своих родных детей, мне хочется, чтобы меня целовали, обнимали часто, гордились бы мной... И смеется:

— но искать мне другую семью не надо, у меня все в порядке...

Большое путешествие к себе осилил этот ребенок, чтобы превратить свою трагедию в повод пошутить....

Но пока родители не будут готовы признавать, что трудности ребенка зачастую таятся в области его чувств, с которыми в одиночку ему не справиться, подросшие дети, к сожалению, находят способы себя хоть как-то поддержать — наркотики, алкоголь, рискованное поведение, понимание компании — и случается то, ради чего, собственно, мы все стараемся, чтобы не случилось — дети этих детей снова попадают в нашу систему семейного устройства... А так хочется, чтобы они жили вместе долго и счастливо...

Сентябрь, 2014 г.

НАПУТСТВИЕ

Хочу отметить, что это не типичная ситуация, много неравнодушных людей и организаций участвовало в судьбе этой девочки. На сегодняшний день, как правило, дальше обучения, поиска семьи (не подбора!) и размещения детей в эти семьи и задачи не ставится. Но мой опыт показывает, что для исцеления таких детей, как представленный ребенок, этого бывает недостаточно. Важно создать условия и запустить процесс, формирующий более адекватную, положительную самооценку, ощущение своей индивидуальности, ценности, которая и будет служить толчком к развитию, самосознанию, поможет найти в себе силы для выздоровления. И на сегодняшний момент важно предлагать услуги по сопровождению современного, актуального уровня, разместить в «хорошую» семью — этого недостаточно. Ребенок может чувствовать себя «удовлетворенным», но «помнит» про «закрытые двери», и чтобы «стать собой», важно встретиться со своим «чудищем» и освободиться от него рядом с понимающим и принимающим взрослым. Я годами вижу, как невероятные силы родителей тратятся, чтобы «вывести в люди» этих детей, они их добросовестно кормят, лечат, обучают, воспитывают, исправляют, порой забывая о себе, жертвуя многим. Мои почтение и восхищение этим людям.

Благодарю приемных родителей городка «Надежда», которые доверили мне своих детей и с которыми мы прошли этот путь, полный приключений, и стали теми, кто мы есть. Думаю, наше путешествие стоит того, чтобы ему посвятили книгу*.

Благодарю Иванову Валентину Юрьевну, моего Учителя, чья поддержка окрыляет.

Благодарю коллегу и друга, Журавлеву Веру — рядом с ней всегда Верись в лучшее.

Благодарю Фонд Ключ и лично Марину Нестерову, Галину Курганову за то, что удерживаете в фокусе Ребенка, Родителя, Специалиста...

Благодарю Фонд Тимченко — за то, что поддерживаете и помогаете научиться помогать и поддерживать.

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко создан в Москве в 2010 году. Фонд объединил в своем программном портфеле все направления семейной благотворительности. Деятельность Фонда направлена на помощь семье и детям, поддержку активного долголетия, развитие спорта и культуры. Эти стратегические направления нацелены на системное решение социальных проблем в России.

Настоящая книга создана в рамках издательского проекта программы «Семья и дети» Фонда. Программа поддерживает развитие семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, профилактику социального сиротства, повышение профессиональных компетенций самих приемных родителей и специалистов, работающих в сфере защиты семьи и детства. Подробнее: www.timchenkofoundation.org

Россия, 125284, Москва, ул. Беговая, дом 3, стр. 1,
бизнес-центр «Нордстар»
Телефон: +7 (495) 660-56-40
Факс: +7 (495) 660-56-41
www.timchenkofoundation.org

* «Ни одно богатое приключениями путешествие не останется забытым. Путешествия без приключений не стоят того, чтобы им посвящали книги». Льюис Кэррол.